

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ СУБЪЕКТИВНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО СМЫСЛОВ В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А. С. Кравец

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 июля 2014 г.

Аннотация: в статье раскрывается противостояние и связь субъективного и объективного смыслов в герменевтическом понимании текстов и социальных действий. Субъективный смысл трактуется как задуманный смысл самого творца (деятеля, говорящего), находящийся в его сознании, а объективный смысл – как опредмеченный в материальных формах (в речи, социальных действиях, артефактах) смысл.

Ключевые слова: понимание, социальное действие, текст, субъективный и объективный смыслы.

Abstract: in the article shows the opposition and connection between subjective and objective meaning in the context of the understanding of texts and social acts. The subjective meaning conceptualized as the meaning of its actor itself (speaker). The subjective meaning exists in the consciousness but the objective meaning is shown in material forms (speech, social act, artifacts).

Key words: understanding, social act, text, subjective and objective meaning.

В непрерывно обогащающемся дискурсе о природе смысла постоянно появляются новые подходы, тематизации, концепты. Интересно, что многие из этих новаций опираются на концептуальные пары понятий, фиксирующих основной идейный нерв разворачивающихся дискуссий, схватывающих диалектическую проблемность того или иного аспекта проявления сущности смысла как предельно общего междисциплинарного понятия.

К числу подобных оппозиций можно отнести: смысл и бессмысленное (абсурд) в раскрытии родовой (универсальной) сущности смысла; идеальное и материальное в анализе знаковой формы смысла; личностное и общественное (общезначимое) в социальном генезисе смыслов; когнитивные и ценностные смыслы; прямые и косвенные и т.д. Весьма распространенной оппозицией является противопоставление понятий объективного и субъективного смыслов. Однако оказывается, что данная оппозиция фигурирует в совершенно различных по своей предметности направлениях дискурса о смысле.

Можно назвать три наиболее важные с философской точки зрения темы, в которых анализ ведется с применением указанной концептуальной пары. Прежде всего, эвристичность этой пары проявляется в дискуссиях о форме бытия смыслов (онтологический аспект); к этим же понятиям прибегают, когда ставится вопрос о роли смыслов в познании (гносеологический аспект); наконец, вопрос о связи объективных и субъективных смыслов актуализируется, когда рассматривается процесс понимания чужих смыслов,

аккумулированных в творчестве другого человека (герменевтическая проблема понимания). Хотя в каждом выделенном направлении используется одна и та же терминология, содержательная сторона указанных понятий в каждой задаче весьма различна, а смешение контекстов их употребления ведет к неоправданной путанице, серьезно мешающей решению поставленных проблем.

Именно герменевтическая проблема разграничения и связи объективного и субъективного смыслов и определила предмет нашей статьи. Прежде чем приступить к решению проблемы, остановимся на общем понимании смысла, выявлении его родовой (универсальной) сущности, инвариантной по отношению к его разновидностям и конкретизациям.

Попытки определить родовое понятие смысла имеют давнюю историю и до сих пор не лишены дискуссионности. В своем историческом развитии понятие смысла прошло три основных периода, опиравшихся на три сменявшие друг друга парадигмы: словоцентристскую, пропозициональную и деятельностную [1].

Словоцентристская парадигма смысла опиралась в своих основаниях на слово как носитель элементарного смысла. Согласно этой парадигме считалось, что смысл слова (как знака) является обозначением некоторого предмета или явления. Эту модель назвали позже двухуровневой, связывающей слово и обозначаемый им предмет.

Вторая (пропозициональная) модель исходила из трехуровневой модели, связывающей знак со смыслом, который, в свою очередь, предопределял обозначаемый предмет (денотат). Эта модель семантичес-

кого треугольника была впервые сформулирована в работах немецкого логика Г. Фреге. У самого Фреге еще не было понятия пропозиции, но была идея о том, что смысл – это некоторая мысль, определяющая предмет. Позже и логики, и лингвисты пришли к заключению, что смысл всегда выражается в мысли о чем-либо. Речь шла лишь о том, что необходимо было выявить инвариантную логическую основу любой мысли, которая задавала (выражала) бы элементарный смысл. Для решения этой задачи пригодилось понятие пропозиции, существовавшее в логике. Пропозиция – это минимальное содержание элементарной мысли, связывающей субъект высказывания (предмет мысли) и ее предикат. Например, *Пушкин – поэт*. Пропозиция – это некоторая «чтойность» мысли и одновременно схема построения любого смысла. Она инвариантна по отношению к любым модусам выражаемой мысли (сомнения, вопрошания, утверждения, отрицания и т.д.) Л. Витгенштейн попытался более конкретно раскрыть содержание обозначенной «чтойности», указав, что смысл – это мыслимое положение дел в любом возможном мире: реальном, фантазийном, мифологическом и т.д. Пропозициональная парадигма в определении смысла до сих пор является наиболее распространенной среди логиков и лингвистов.

Деятельностная парадигма возникла совсем недавно. Она формировалась в лингвистике в ходе исследовательского перехода от предложения к высказыванию и далее к речевому акту. Этот переход актуализировал смысловые особенности реальных речевых актов, в которых люди используют не просто абстрактные грамматические формы смысла, а выражают свои мотивы, цели, намерения в обращении к другому человеку. Оказалось, что для понимания речевых актов уже недостаточно знания простой пропозиции (вроде *мама мыла раму*), а необходимо уяснить дополнительные смыслы: цель сообщения, его мотив и т.д.

В работах британского ученого Дж. Остина и американского ученого Дж. Сёрля было показано, что любой речевой акт является действием таким же, как и любое социальное действие, в котором говорящий осуществляет свои мотивы и цели в конкретных условиях коммуникации. Когда мы говорим другу *«Во дворе злая собака»*, мы не описываем зоологическую ситуацию во дворе. Мы *предупреждаем* друга об опасности, и это предупреждение он должен понять и использовать в своей деятельности. Когда священник произносит слова, обращенные в церкви к молодым *«Объявляю вас мужем и женой»*, то он не просто сообщает слушающим некоторую информацию, он меняет социальный статус вступающих в брак и т.д. Любой речевой акт что-то меняет в сознании слушающего или в социальном мире.

Конечно, речевой акт содержит пропозицию «р», но она обрастает в этом акте дополнительными очень важными для понимания смыслами: *обещанием р, советом р, предупреждением р, угрозой р, просьбой р* и т.д. Как было показано, речевой акт содержит три слоя смысла, одинаково существенных для его понимания: локуцию, иллокуцию и перлокуцию. Локуция – это общезначимый смысл слов (вокализованных или написанных) в высказывании. Без манифестированной в речи локуции у нас вообще нет предмета для понимания. Иллокуция содержит мотивы, намерения, цели высказывания, которые могут быть явно выражены в речевом акте (локуции), но могут и не манифестироваться говорящим, надеющимся, что слушающий самостоятельно их выведет. Наконец, перлокуция означает тот смысловой эффект, который речевой акт должен произвести в сознании слушающего. Английское слово «mean» (подразумевать) очень хорошо передает основную интенцию деятельностного смысла: смысл – это *подразумеваемое* в сказанном. Подразумеваемое в речевом акте – это не только пропозиция, но и цели, мотивы, намерения говорящего.

Проблематика объективного и субъективного смыслов обычно не формулируется и не обсуждается в дискуссиях о родовом значении понятия «смысл». Однако она актуализируется при постановке философского вопроса о формах бытия смысла. По существу, здесь речь идет об онтологии смысла. Большинство философов признают, что смысл – это продукт мышления, родственный таким феноменам, как понятие, идея, суждение и т.п. Все эти феномены не существуют в самом (материальном) мире, а возникают лишь в сознании и являются формой его существования. Что это за форма? В отличие от чувственных форм (ощущений, восприятий, представлений) смысл принадлежит интеллигибельной (умственной) сфере сознания.

С этой точки зрения, в самой природе никаких смыслов не существует. Сказать, что только в человеческом сознании существует «субъективный смысл», значит, по сути дела, утверждать некую тривиальную тавтологию: смысл и есть субъективный смысл (а не природная вещь). Формой бытия смысла является сознание человека. Поэтому в онтологическом (бытийном) аспекте рассмотрения не должно возникать оппозиции «субъективный смысл» – «объективный смысл». Но не всё так просто.

Наиболее ярким представителем концепции субъективности смысла являлся немецкий философ Э. Гуссерль. По Гуссерлю, смыслы образуются в результате напряженнейшей работы сознания. Они формируются в потоке переживаний человека – актов его сознания. Этот поток обладает непрерывностью, своеобразной динамикой, в результате которой пере-

живания постоянно преобразуются. Из неясных, смутных, неотчетливых предфеноменальных переживаний возникают предикативные переживания, когда мы можем сказать «это – стол», «это – птица». Предикативные переживания уже являются смыслом, феноменом сознания. «Между сознанием и реальностью, – утверждал феноменолог, – поистине зияет пропасть смысла» [2, с. 108].

Для Гуссерля понятие «объективного смысла» было каким-то нонсенсом. Поэтому он критиковал распространенную, некритическую (как он считал) точку зрения естествоиспытателей, которые пытаются отождествить смыслы опытного естествознания с реальным физическим миром. Такой процесс «объективизации» смыслов, т.е., по существу, переноса смыслов на сами вещи, он называл реификацией и резко возражал против «овеществления» смыслов.

Сами потоки переживаний, по Гуссерлю, закрыты для других субъектов. Мы не можем инкорпорировать себя в поток переживаний другого человека. Переживания другого человека никогда не могут стать моими переживаниями и, наоборот, мои переживания являются для другого человека принципиально нераскрываемой тайной. Отсюда вытекает печальный вывод о возможностях понимания другого человека, т.е. отрицание такой науки, как герменевтика.

Однако понятие объективного смысла не является нонсенсом. Смыслы не являются какой-то интеллектуальной забавой человека, они не остаются навеки в «клетке сознания», порождая только самих себя. Смыслы всегда осуществляют важнейшие социальные функции общественного человека, такие как коммуникация, познание, проектирование предметов культуры. Уже простой речевой акт другого человека, обращенный к нам, становится понятным (в той или иной степени), благодаря его «опредмечиванию» в материальных знаках (словах). Материальный знак (звучащий или начертанный) становится носителем смысла, отчужденного от сознания творца. Он теряет свою субъективность (в качестве присутствия в сознании творящего субъекта) и наделяется уже внешним, доступным для других, смыслом.

То же самое можно сказать обо всех предметах культуры, об артефактах, которые хранят в себе следы субъективного смысла творца этих предметов. Любые артефакты появляются в результате опредмечивания субъективных смыслов, т.е. осмысленных проектов «вещей» культуры. Классик объективного идеализма Г. Гегель в своей Логике (теории мирового духа) под подлинным бытием полагал бытие надличностной мировой идеи, которая, опредмечиваясь, порождает своё «инобытие» – весь природный мир. Однако если отказаться от мистики мировой идеи, творящей природу, и признать, что «идеи» являются всегда только человеческими идеями, то получим

очевидный вывод о том, что вся культура (а не природа) возникает на основе опредмечивания человеческих идей (т.е. субъективных смыслов).

Всякая искусственная вещь (артефакт) хранит в себе следы субъективных смыслов своего творца (конструктора, мастера, деятеля). Это и есть «инобытие» смыслов – вторая объективированная форма их существования. Иногда вместе с покупкой какой-либо искусственной вещи (от утюга до компьютера) мы получаем инструкцию по ее использованию. Конечно, эта инструкция содержит лишь часть задуманных (субъективно) производителем смыслов, но вполне достаточных для практического использования купленной вещи.

Эти запечатленные в артефактах смыслы и можно назвать «объективными смыслами». Они уже отчуждены от своего творца, имеют внешнее проявление в устройстве вещи, ее функциях. Объективными смыслами являются: человеческая речь, любые тексты, социальные действия людей, все артефакты. Всякое понимание начинается с распределенности объективных смыслов, и только стартуя от этого начала, можно проложить дорожку к пониманию субъективного смысла творца (автора, актора, деятеля). Категории «опредмечивания» и «распредмечивания» введены Гегелем и использовались классиками марксизма. Опредмечивание означает превращение (воплощение) субъективного (задуманного субъектом) смысла в создаваемый артефакт (предмет культуры, в том числе и звучащую речь). Распредмечивание означает обратную операцию, реализуемую при интерпретации артефакта (речи), т.е. конституирование уже собственного субъективного смысла интерпретатора (читателя) в его трактовке смысла артефакта (обращенной к нему речи говорящего).

Второе важное отношение «субъективного» и «объективного» в смысле возникает в гносеологии. Здесь мы имеем дело не с проективными, а с так называемыми когнитивными смыслами, выраженными в научных фактах, законах, концепциях, моделях, теориях и т.д. Специфическая особенность этих смыслов состоит в том, что все они возникают в проекции смыслов на реальный мир. Важнейшим требованием, предъявляемым к научному знанию, является требование его истинности. В оценке истинности научных знаний (особенно в научных дискуссиях) часто употребляются концепты «субъективный смысл» – «объективный смысл». Они вполне правомерны как характеристики качества продуцируемых каким-либо ученым знаний. Субъективность знания (или смысла) означает обычно его отступление от объективной истины, искажение картины мира или ее ложность. Наоборот, объективность знания в гносеологическом плане означает его соответствие познаваемому объекту, или истинность.

Здесь стоит снова вернуться к Гуссерлю. Раскрывая специфику человеческих смыслов, немецкий феноменолог отмечает такое их специфическое и необходимое свойство как интенциональность, т.е. их *направленность* на некий предмет. Это означает, что содержание «чтойности», составляющее суть любого смысла, всегда относится нашим сознанием к миру. Когда мы выносим суждение, то мы судим о чем-то (о каком-либо предмете), то же самое происходит, когда мы оцениваем что-то, сомневаемся в чем-либо, вспоминаем какую-либо ситуацию и т.д. Таким образом, сам «феномен смысла» устроен так, что он указывает нам на нечто, находящееся вне нас (т.е. на вещи мира). Образно говоря, смысл исходит из сознания (является его конструктом), но проецируется нашим сознанием на мир «вне нас». Такую операцию отнесения смысла к самому миру (т.е. к объектам, их свойствам, отношениям, процессам и т.д.) со времен И. Канта называли трансцендированием. Подобное трансцендирование присуще как обыденному познанию, так и научному.

Однако, признавая интенциональность смыслов, Гуссерль, как ни странно, отрицает всякую их объективность, в лучшем случае признает их интересубъективность (т.е. общезначимость). Воюя с реификациями смыслов в опытном естествознании, наш феноменолог переходит все крайности, роя пропасть между миром и сознанием. Очевидными и достоверными для него могут быть только смыслы, только они даны нашему сознанию. Вопрос же о мире (объективном мире) у Гуссерля всегда стоит под сомнением.

Безусловно, Гуссерль прав, проводя гносеологическую границу между смыслами и реальным миром. В природе смыслов нет, а в сознании (в буквальном значении) нет природы. Если я пришел к выводу, что «Солнце является небесным светилом», то это, конечно, не означает, что Солнце находится у меня в мозгу. Утверждающих подобное обычно лечат в специальных клиниках. Однако если отрицать наличие объективного содержания (обусловленного учетом свойств объекта) в естественно-научных смыслах, то никакая наука не смогла бы существовать. Да и практической пользы от нее не было бы никакой. Поэтому, воюя с реификацией, Гуссерль должен был бы отрицать и сущностное свойство всех смыслов – их интенциональность, хотя таких смыслов (без их проекции на мир) не может существовать. В гносеологическом плане любой смысл есть диалектический кентавр, некое субъективно-объективное образование. Смысл есть субъективная (человеческая) конструкция мира в нашем сознании. С другой стороны, смысл всегда «схватывает» мир в его свойствах, отношениях, т.е. объективен (конечно, в той или иной степени) по своему содержанию.

Совсем иное значение приобретают термины «субъективный» и «объективный» смыслы в герменевтике. Обычно в герменевтическом дискурсе понимание трактуется как раскрытие (экспликация) смысла сказанного (написанного) текста или совершенного неким индивидом действия. Принято считать, что при встрече с неясными, «темными» текстами или социальными действиями у нас возникает потребность в их понимании. Понимание может быть достигнуто путем интерпретации «темных» мест в тексте или толкования поступков людей. Интерпретация артефакта всегда предполагает (помимо изучения или, лучше сказать, осмысления самого артефакта) обращение интерпретатора к дополнительным источникам надличностных смыслов, существующих в общественном сознании. Такими источниками (предпосылками) для интерпретации становятся смыслы национального языка, словари, общественное мнение, специализированные формы знаний. Все это надличностное знание П. Бергер и Т. Лукман назвали символическим универсумом общества [3]. Самый простой пример такой интерпретации – это подбор синонимов для непонятных слов. Однако подобный подход к герменевтическим задачам сильно упрощает проблему понимания.

Наиболее трудной для герменевта (читателя, собеседника, наблюдателя, философа, литературоведа, социолога и т.д.) задачей является раскрытие подлинного (имманентного) смысла творца, действующего субъекта. При вдумчивом, глубоком осознании проблемы понимания неизбежно возникает категориальное противостояние субъективного и объективного смыслов.

Объективный смысл является предпосылкой любого понимания. Что же понимается под объективным смыслом в герменевтической установке? Объективный смысл является внешним, манифестированным в предметных формах смыслом автора или актора. Герменевтическая установка в понимании основывается на предположении, что действующий субъект действовал осмысленно, когда он выражал свою задуманную мысль в речевом акте, тексте, социальном действии, поступке. Этот смысл и называется субъективным смыслом, он возникает в сознании субъекта. Но пока он не манифестирован в знаковой или другой предметной форме, он представляет для других субъектов тайну. Субъективный смысл – это внутренняя форма существования смысла, недоступная для других людей. Никто из других субъектов не может непосредственно проникнуть в сознание творца, пока тот не выразит свои замыслы и смыслы в знаковой или предметной форме (в арте, в манифестированных актах социального действия), т.е. в объективированной форме.

Объективный смысл является «инобытием» субъективного смысла, он представляет собой уже отчужденный от творца смысл, по сути, доступный для всех через свою опредмеченную форму. В речевых актах объективный смысл выражается прежде всего в локуции. В литературе, а также в философии и науке такой предметной формой выражения объективного смысла являются тексты. В архитектуре – различные здания, в технике – предметные устройства и сооружения, в социальных действиях предметной формой «инобытия» смысла становятся материальные формы производимых актором действий.

Объективный и субъективный смыслы различаются не только формой существования, но могут существенно различаться и своим содержанием. Субъективный смысл включает все замыслы творца, его планы по реализации замыслов, мотивы, цели, намерения, оценку альтернатив действия, учет их успешности или неуспешности, возможные риски деятельности и т.д. Процесс созревания субъективного смысла не лишен и внутреннего диалога с самим собой, когда мы мучаемся в принятии окончательного решения, взвешивая различные альтернативы действий, проверяя логику своих планов, задаем сами себе вопросы о целесообразности осуществления тех или иных замыслов. Особенно эти муки творчества характерны для рефлексивных натур.

Когда же мы останавливаемся на каком-либо решении и делаем окончательный выбор конкретного действия по осуществлению своего замысла, мы

производим редукцию всего мелькавшего в наших переживаниях субъективного смыслового «потока» к окончательно одобренному нами варианту действий. Далее мы приступаем к опредмечиванию задуманных действий. В этом опредмечивании возникает артефакт, в котором запечатлен исходный смысл творца, предмет культуры. Смысл, который хранит в себе этот предмет, и есть объективный смысл. Объективный смысл существенно отличается от своего прародителя – субъективного смысла – и формой существования, и смысловым богатством содержания. Определенный объективный смысл сохраняет информацию уже только об одном из пережитых в нашем сознании смыслов. Остальные смыслы ушли в небытие, остались в памяти творца, в пережитом. Следовательно, пределы герменевтического понимания субъективного смысла принципиально ограничены произведенной редукцией субъективного запаса мучавших нас смыслов к его опредмеченной, явной форме, т.е. к объективному смыслу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кравец А. С.* Три парадигмы смысла / А. С. Кравец // Вестник МГУ. Сер.: Философия. – 2004. – № 6.
2. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – Т. 1.
3. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Academia-Центр; МЕДИУМ, 1995.

Воронежский государственный университет

Кравец А. С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания

E-mail: kravets@yml.ru

Тел.: 8 (473) 277-31-07

Voronezh State University

Kravets A. S., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ontology and Epistemology Department

E-mail: kravets@yml.ru

Tel.: 8 (473) 277-31-07